

Жиндеева Елена Александровна, Николаева Екатерина Александровна, Щанкина Юлия Ивановна
**ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДРОБНОСТИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ
СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЬНИЦ МОРДОВИИ**

В статье изложены авторские рассуждения относительно значения физиологических описаний в творчестве представительниц современного литературного процесса Мордовии. Рассмотрение проблемы на материале литературных опытов молодых писательниц Мордовии позволяет прийти к оригинальным выводам о сходствах и различиях повествовательных стратегий в прозе А. Оправхат, Н. Шеметовой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 67-69. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье изложены авторские рассуждения относительно значения физиологических описаний в творчестве представительниц современного литературного процесса Мордовии. Рассмотрение проблемы на материале литературных опытов молодых писательниц Мордовии позволяет прийти к оригинальным выводам о сходствах и различиях повествовательных стратегий в прозе А. Оправхат, Н. Шеметовой.

Ключевые слова и фразы: натурализм; повествовательная стратегия; топос; женская проза; художественный мир; типология; отечественное литературоведение.

Жиндеева Елена Александровна, д. филол. н., доцент

Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева

Николаева Екатерина Александровна, д. культурологии, доцент

Щанкина Юлия Ивановна, к. филол. н.

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

jindeeva@mail.ru

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДРОБНОСТИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЬНИЦ МОРДОВИИ[©]

Исследование осуществляется в рамках проекта, поддержанного РГНФ (№15-14-13007 а(р)).

В настоящее время при осмыслении современной литературы в России все чаще происходит обобщение непростого художественного материала (в том числе и на уровне развития региональной прозы) в пользу выявления общей концепции воссоздания художественного мира средствами, доступными писателям-современникам. Частично об эволюционировании идеи сравнительно-сопоставительного и типологического подходов к анализу двух уровней (общероссийского и регионального) литературного процесса мы уже говорили не раз [2; 3; 9], однако наиболее интересная часть такого процесса – его гендерный аспект – вместе с тем пока оставалась вне поля нашего зрения. Справедливости ради можем констатировать и тот факт, что специфика женской прозы Мордовии вообще мало изучена, что объективно объясняется несколькими факторами, в том числе и дискуссионностью ее выделения как отдельной ветви художественного творчества, трудно объяснимой на первый взгляд дифференциацией «женского» и «мужского» начал в художественном творчестве, качеством ряда создаваемых образцов, трудностью герменевтического плана и т.д. Вместе с тем мы убеждены, что в течение последних десятилетий в отечественном литературоведении, в том числе и региональном (в нашем случае мы имеем в виду Республику Мордовия), намечился определенный прорыв в данной области. Об этом свидетельствуют труды, имеющие указания в том числе и на гендерный аспект рассмотрения литературы региона [1; 4].

В сложившейся современной культуре слова «женское», «мужское» не столько концентрируют биологические различия, сколько представляют оценочные категории, которые сформировались под влиянием известных гендерных идей и предполагают оценочное воспроизведение окружающего мира. В аксиому, позволяющую говорить о доминировании «мужской» точки зрения в литературе на основе аналитико-прагматичного анализа авторами действительности за счет осознания и концентрации в повествовательной стратегии предметно-овеществленного преподнесения проблемы, уже заложено наличие и другого возможного подхода к воспроизведению действительности. Это и позволяет выделить смысловую доминанту изображения нравственно-эмоциональных координат как отличительную черту именно другого (женского) повествования.

Женская проза Мордовии отличается излишней палитрой чувств и эмоций, углублением в изображение нюансов психологии героев, оценки событий, причин поступков, физиологических подробностей. Именно с этой точки зрения наибольший интерес для современного исследователя-литературоведа представляет обособление составляющих повествовательной стратегии в женской прозе. Приведем конкретные примеры. Так, характерными типовыми особенностями и общими чертами переживаний героинь, предстающих перед читателем в непривычных литературных амплуа усталых, озлобленных, сломленных, не совсем здоровых и ни на что не надеющихся женщин, перенасыщена современная русская литература и общероссийского, и регионального уровня (в нашем случае это современная женская проза Мордовии). С одной стороны, это непосредственное отражение реалий действительности, с другой – некий литературный бренд, на котором базируется составная часть повествовательной стратегии писательниц, стремящихся ввести в поле осмысления читателей новый тип женского характера (наравне с «тургеневскими» девушками, старухами-праведницами В. Г. Распутина и т.п.). Такая амбициозная заявка имеет, на наш взгляд, ряд противоречий, связанных, с одной стороны, с желанием выявить типологические черты в изображении героинь за счет описания характерных смыслообразующих мировоззренческих идей, с другой – с намеренной антиэстетизацией изображаемого за счет неоправданного количества физиологических описаний, имеющих намеренно отталкивающий характер.

Отчасти в качестве решения поставленной проблемы, отчасти как реакция на отказ в недавнем прошлом от темы телесности современные писательницы обнаруживают склонность к изображению на фоне острейшего кризиса сознания процесса поиска женской телесной самоидентификации. Осознание не просто своего места

в общества, а своего мира как составной части единственно существующей среды, где именно женщина и есть центр Вселенной, становится основой стратегического мышления авторов и особенностью повествовательных механизмов воспроизведения современности. При этом в сюжетообразовании повествования основная тяжесть бытия (в его сугубо бытовой форме) ложится на плечи женщины, зачастую нивелируя не только телесные, но и душевные ее потребности. А отсюда и повышенный интерес в новейшей прозе Мордовии к описанию физиологических процессов не просто как способу создания физиологического портрета современницы, но и как к трансляции телесного поведения героини. В соответствии с этим можно выделить ограниченное количество характерных для такого произведения топосов, на которых базируется событийное начало подобных произведений.

Топосы (абортарий, коммунальная квартира, общежитие, магазины, бани, подворотни, парки и др.) в женской прозе выполняют функции не только событийно-объективного объяснения происходящего с героиней, но и могут быть рассмотрены в качестве институтов, моделирующих внутренний и телесный мир женщины как сгусток боли, вины, страдания, формирующих идеологические и поведенческие отклонения, выражающиеся в чувствах, поступках и предпочтениях героинь. Примечательным является нарочитый прагматизм и мыслительные экзерсисы «я» персонажей, чему способствует большой процент произведений, транслирующих событийную канву текста от первого лица. При этом рассказчица нарочито использует ненормативную и идиомную лексику, с одной стороны, как индикатор вседозволенности и развязности, с другой – как непосредственную агрессию в качестве реакции на несправедливость, пошлость, безысходность ситуации, в которой оказываются героини. Здесь происходит размежевание между условно необходимым и желаемым, где отсутствие любви становится некой нормой, заставляющей героинь смириться со своей незавидной участью. «Больше всего Альбина Андреевна не любила выходные. А еще Альбина Андреевна не любила свое имя. <...> Стеснялась, что оно у нее не такое, как у всех. Мужа Альбина Андреевна тоже не любила. К слову, с работой дела обстояли также. Не любила Альбина Андреевна свою работу, но ценила, как и свое замужество» [7].

Как показательный компонент стратегического изображения сущности современницы и как индикатор неблагополучия современного общества может быть рассмотрена тема материнства, по-прежнему занимающая ведущее место в образцах женской прозы. При этом сама тема претерпела значительные изменения и стала первичной в событийно-семейном континууме современного общества.

Изображение счастливого материнства практически не встречается в творчестве молодых писательниц, которые не исследуют причины нежелания женщины иметь ребенка, а только констатируют этот факт. Зачастую такие героини не испытывают при беременности особой радости или ощущения чуда, беременность для них – либо малозначащий факт, либо – то, что осложняет привычную жизнь, требует внимания, которое женщина не готова дать будущему ребенку в силу различных причин. Зачастую некоторая инфантильность, безответственность, свойственная героиням, подменяется описанием физиологической составляющей. В связи с этим заявления типа «Зимой 2006 я забеременела. Не то чтобы я этого очень хотела, просто так получилось» [8, с. 13] представляются нам безобидной констатацией факта жизни героини.

Материнство для героинь А. Оправхат и Н. Шеметовой, как правило, является несчастьем, сложившейся неприятно данностью, новой обязанностью, с которой они справляются плохо. Движимые эгоистическими соображениями, помещенные в стесненные жизненные обстоятельства, лишенные морального стержня и некой нравственной целостности, материально и морально незащищенные женщины не ощущают себя способными отвечать за рождаемую новую жизнь. Как следствие, в образцах женской литературы Мордовии проблема отказа женщины от материнства не предполагает нравственной оценки, это неотъемлемая часть существующего бытия, извращенная сегодняшняя норма. В таком случае становится закономерным рассмотрение искусственного прерывания беременности писательницами не как убийства, а как внутренней смерти будущего, которая соотносится с переживанием героиней временной внутренней пустоты, неких физических неудобств и неприятностей.

Следует отметить, что в исследуемых художественных образцах аборт описывается гораздо чаще, чем рождение ребенка. Натурализм, свойственный описанию процесса, заставляет говорить об антиэстетизме повествования. Так, в рассказе «Безумие типичной бабы» А. Оправхат роды рассматриваются как сгусток боли, а наркоз заставляет пересмотреть свои взгляды на смерть: «Спустя некоторое время у Марины начались схватки. Если бы ей предложили в тот момент смерть, она бы согласилась, не раздумывая. Но смерть не наступила. Родилась девочка» [5]. При описании происходящего автор говорит на одном физиологическом языке с персонажами, стремясь таким образом создать у читателя иллюзию, что весь мир низок и некрасив, что все люди одинаковы в своей пошлости.

Между тем многоконтрастность, многотемность, разноплановость повествовательных техник трансляции авторской позиции позволяют констатировать следующее: нельзя во всех случаях говорить о мелкости и узости, примитивности фабулы, о жеманстве, антиэстетизме, натурализме произведений только потому, что они созданы женщинами и не отвечают сложившимся общепринятым нормам классического эстетизированного отношения к литературному образцу как объекту, эстетически отражающему жизнь.

Агрессивное женское поведение, находящееся за гранью нормы, самоидентификация героинь и сознание обычности происходящего, характерные для текущего литературного процесса, приводят к запрограммированным в таких случаях описаниям звериного начала в человеке, где не последнее место занимает воспроизведение запаха. Его функции различны. В рассказе «Митек» Анны Оправхат запах является своеобразным художественным отражением кризиса маскулинности в образе героя: «На пороге стоял его брат Митек. Глаз было не видно, черты лица трудно различимы, запах мочи был перемешен с каким-то спиртообразным парфюмом» [6]. В романе Н. Шеметовой «33» запах служит средством передачи праздничной атмосферы в доме, на фоне которого развивается семейный бытовой конфликт: «В детстве я любила праздники, особенно Новый год. В доме стоял елово-пирогово-мандариновый аромат» [8, с. 56]. И в том же тексте запах служит средством создания атмосферы

социального дна: «На первом этаже жили алкаши, которые торговали самогонкой. Моя мама в скором времени тоже пристрастилась к этому прибыльному делу. Поэтому в ванной у нас стояла бочка с брагой, которая источала зловонный, кисло-сладкий запах» [Там же, с. 62]. Нечто подобное можно обнаружить и в прозе А. Оправхат.

Вместе с тем у вышеназванных писательниц разная стратегическая задача в повествовании. Например, каждая тема, за которую берется А. Оправхат, будь то смерть, болезни, нищета или другие изъяны общества, раскрывается с такой интенсивностью, с такими физиологическими подробностями, что создается эффект присутствия. Оправхат намеренно не приукрашивает действительность, рисуя сурово и непредвзято самые сложные эмоциональные моменты жизни современницы. Здесь ощущаются зюскиндские традиции. Молодую писательницу интересует обратная сторона жизни, лишённая радости и морали, где человеческие взаимоотношения сводятся к обману, пошлости, бездушию, отчужденности, жестокости.

Для Н. Шеметовой действительность – это болезненный и угрюмый, не приукрашенный благородными чувствами и порывами души, враждебный окружающий мир, в котором еще нужно умудриться выжить женщине. Ее героини физически или морально несовершенны, часто одержимы душевными недугами. Писательница именно с помощью таких персонажей обнажает несовершенство мира, опираясь на то самое чеховское отступление от нормы, которое дает возможность яснее и объемнее увидеть саму норму. Горечь разочарования, неизменно и закономерно наступающая героинь, рождает у читателя мощный эффект неприятия и протеста, сознательно программируемый писательницами.

Важной чертой молодых литераторов-женщин в Мордовии стали первые серьезные попытки с новых позиций осмыслить спектр чувств современных женщин, давно вступивших в противоречие с системой традиционных культурных ценностей и идеологических стереотипов, имеющих независимый характер и абсолютно защищенных любовью и заботой. Здесь привлечение писательницами личного опыта, мыслей и переживаний выходит за рамки чисто литературного приема, создает эффективные эмоциональные востребованные импульсы синергетического вхождения в обстоятельства и психологию современных барышень. То, что традиционно классифицируется институтом общественного мнения как чрезмерная эмоциональность, отсутствие логики, женские причуды и тому подобное, – все эти свойства, что отличают женщину от мужской поведенческой культуры, в женской прозе проходят путь от понимания их как внутренней слабости и уязвимости до утверждения в качестве особенностей типологического порядка. Преодоление этого пути в качестве автора – это освоение и постижение своего внутреннего эго-пространства в контексте общекультурной нормы. Осмысленная трансляция на читательскую аудиторию сложной палитры низменных чувств, тайных желаний, физиологических подробностей указывает на то, что молодые писательницы Мордовии, увлекшись «чернухой», пытаются создать новый эстетический и эмоциональный надлом, привнести не только запретные в недавнем прошлом темы, но и «переболеть» пошлостью точно так же, как это произошло с маститыми писательницами российского уровня.

Список литературы

1. **Азыркина Е. И.** Тенденции развития мордовской литературы на современном этапе: писательский состав, жанровое своеобразие, художественные особенности // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 1 (9). С. 138-139.
2. **Жиндеева Е. А.** Литературный текст как проявление гендерного мышления (на примере современной женской прозы Мордовии) // Грани познания. 2010. № 2 (7). С. 28-29.
3. **Жиндеева Е. А.** Парадигматические отношения в современной литературе Мордовии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3. Т. 1. С. 62-65.
4. **Карабанова Н. В., Тростина М. А., Швечкова Н. И.** Синтез сказки и мифа в русской и мордовской литературе: сравнительно-сопоставительный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11: в 2-х ч. Ч. 2. С. 85-87.
5. **Оправхат А.** Безумие типичной бабы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2013/12/07/1168> (дата обращения: 12.02.2015).
6. **Оправхат А.** Митек [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2013/12/16/66> (дата обращения: 12.02.2015).
7. **Оправхат А.** Суровость [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2013/12/23/1970> (дата обращения: 12.02.2015).
8. **Шеметова Н.** Бабье счастье. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2014. 206 с.
9. **Щанкина Ю. И.** Общие закономерности разработки социально-значимых тем в современной русской литературе // Гуманитарные науки и образование. 2011. № 3. С. 57-59.

PHYSIOLOGICAL DETAILS AS PART OF NARRATIVE STRATEGY OF CONTEMPORARY WRITERS IN MORDOVIA

Zhindeeva Elena Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseev

Nikolaeva Ekaterina Aleksandrovna, Doctor in Culturology, Associate Professor
Shchankina Yuliya Ivanovna, Ph. D. in Philology
N. P. Ogarev Mordovia State University
jindeeva@mail.ru

The article states the authors' reasoning on the significance of the physiological descriptions in the creative work of the representatives of the contemporary literary process in Mordovia. The consideration of the problem by the material of the literary attempts of the young writers of Mordovia allows coming to original conclusions about the similarities and differences of narrative strategies in the prose of A. Opravhat and N. Shemetova.

Key words and phrases: naturalism; narrative strategy; topos; women's prose; literary world; typology; domestic literary criticism.